

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ФОНЕМ Է В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ И Ъ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова – древнеармянский, старославянский, вокалическое и дифтонгическое происхождение Է/Ъ, фонемная и фонетическая значимость Է/Ъ, диахроническая типология изменений, разговорная основа литературного старославянского языка

Одним из спорных вопросов древнеармянского языка, по поводу которого в арменоведении высказывались существенно отличающиеся друг от друга мнения, является вопрос о звуковой значимости фонемы, обозначенной в алфавите Маштоца как Է. Согласно данным сравнительно-исторического арменоведения, Է в древнеармянском происходит как от дифтонгов, так и от простых гласных: гипотезу о происхождении Է от индоевропейского *ē, *ei, *oi и армянского сочетания Է+յ [e+u] предложил Г. Гюбшман (ср.: ւղնւն (aluēs) «лиса», греч. ἄλωπτιξ; ηἷρα «скирда», «стог», греч. τεῖχος/τοιχος «стена»; ւէր (>ւիջիւ) «между», «среди», санскр. madhyaḥ, старослв. межда, греч. μέσ(σ)ος, готск. midjis, лат. medius)¹. Для древнеармянского² Է праформу *Էյ предположили А. Мейе и Х. Педерсен. По их мнению, *Էյ – дальнейшее развитие индоевропейских дифтонгов *oi/*ei³. Ср.: «Է прежде всего происходил от формы ei, следовательно, oi должен был бы подвергнуться звуковому изменению под влиянием ei»⁴.

У арменоведов, однако, нет единого мнения о звуковом значении Է в грабаре. Соответственно, грабаровское Է считалось: 1) простым гласным⁵, 2) дифтонгом⁶, 3) дифтонгоидом⁷. Высказывалось даже четвертое мнение – «дифтонги-

¹ Гюбшман Г., Арменоведческие исследования, Ереван, 2004, с. 224-225 (на арм. яз.).

² Термины «древнеармянский» и «грабар» мы используем в различных значениях: под первым термином мы понимаем армянский язык и дописьменного, и письменного периодов – до XI в. н. э., а вторым термином обозначаем литературный армянский язык V-XI вв. н. э.

³ Meillet A., Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1936, p. 44, Педерсен Х., Армянский и соседние языки, Вена, 1907 (на арм. яз.), с. 106-107.

⁴ Педерсен Х., указ. соч., с. 106.

⁵ Гюбшман Г., указ. соч., 66, Meillet A., указ. соч., с. 44, Ачарян Р., Армянские письмена, Ереван, 1984, с. 575 (на арм.), Абегиан М., Грамматика грабара (древнеармянского языка), Ереван, 1936, с. 9 (на арм. яз.).

⁶ Марр Н., Грамматика древнеармянского языка, СПб., 1903, с. 16, 26-28, Джаукян Г. Б., Сравнительная грамматика армянского языка, Ереван, 1982, с. 27. В виду того, что в грабаре сочетания по модели «гласный+сонорный» (ւ[aw], Է[aw], ի[aw], ա[ay], ո[oy]) считаются дифтонгами, а Է [Է]/[ey] при этом считается дифтонгоидом, более последовательной представляется точка зрения Г. Джаукяна, согласно которой Է является дифтонгом, нежели точка зрения тех, кто считает Է дифтонгоидом.

⁷ Агаян Э. Б., Грамматика древнеармянского языка, Ереван, 1964, с. 134-140 (на арм. яз.), Туманян Э. Г., Древнеармянский язык, М., 1971, с. 51, Мурадян О. Д., Историческая грамматика армянского языка, т. I, Ереван, 1982, с. 142.

ческая гласная» (таким образом определяют также $ɪ[ow]$), под которым автор подразумевает дифтонгическое происхождение этих гласных¹. И это единственное, чего не отрицает никто. В основе мнений, принимающих дифтонгическую/дифтонгоидную природу $ɪ$ в грабаре, лежат следующие положения:

1) в древнеармянском слово не могло оканчиваться гласными $ɪ$ [a] и $ɪ$ [o]. Исключениями являлись: а) глагольная форма повелительного наклонения с последним подударным слогом (ср.: $hʃun$ [haso] «приведи, доведи, доставь» от $hʃunɪgʷɪntɪ$ [hasuc'anem] «привести, доставить», $ɔʃɪntʃ$ [canea] «известить, дай знать» от $ɔʃɪnɪgʷɪntɪ$ [sanuc'anem] «известить, дать знать» и др.), б) ответное слово $ɔjn$ [ayo] «да», в) указательные местоимения ($uʃ$ [sa] «это, этот», $ɲʃ$ [da] «тот, та, то», $ɪʃ$ [na] «он, она, оно», $unɲʃ$ [sok'a] «эти», $unɲʃ$ [soc'a] «этих», $ɲɲɲʃ$ [dok'a] «те», $ɲɲɲʃ$ [doc'a] «тех», $ɪnɲʃ$ [nok'a] «они» и др.),

2) глаголы, спрягающиеся на $ɪ$ [e], в изъявительном наклонении 3 л. ед. ч. наст. времени также должны были бы иметь окончание j [y], как глаголы, спрягающиеся на $ɪ$ [a] (ср. $*ʃɲɪɲɪntɪ$ [arkaney] «бросает, кидает», $*ɔʃɲɪntɪ$ [šaržey] «двигает», как $ɲɲɲɪ$ [ayay] «мелет», $ɲɪɲɪntɪ$ [ənt'anay] «идёт, едет»), но наличествует окончание $-ɪ$ [ē] (ср. $ʃɲɪntɪ$ [arkanē], $ɔʃɲɪntɪ$ [šaržē]),

3) глаголы со спряжением на $ɪ$ [i] в изъявительном наклонении не имеют j [y], так как: а) $ɪ$ и j считаются аллофонами одной фонемы, находящимися в отношении дополнительной дистрибуции, из чего следует, что они не могут фигурировать в одной звуковой среде: ср.: $ɲɲɲɪ$ [ordi] «сын» + $ɲɲɲɪ$ [ak] > $ɲɲɲɪɲɲɲɪ$ [ordeak] «сынок», $ɲɲɲɪ$ [kɲzi] «остров» + $ɲɲɲɪ$ > $ɲɲɲɪɲɲɲɪ$ [kɲzeak] «островок», $ɲɲɲɪɲɲɲɪ$ [t'aguhi] «царица» + $-ɲɲɲɪ$ [ac'] > $ɲɲɲɪɲɲɲɪɲɲɲɪ$ [taguheac'] «цариц» род.-дат. п. мн. ч. и др., где «графическим выражением» звука j является компонент $ɪ$ в составе дифтонга $ɪɲ$ ², б) на морфологическом уровне они выступают как коррелятивные фонемы, что проявляется при образовании аблатива (отложительного падежа), ср.: $ɲɲɲɪ$ [i hogē] «от отца», но $ɲɲɲɪntɪ$ [ɲasteyē] «от звезды», в) они не только не могут выступать в том же звуковом окружении, но и не могут непосредственно следовать друг за другом: контраста между ними недостаточно для формирования непосредственной последовательности, так как оба они нёбные (палатальные) звуки,

4) глаголы со спряжением на $ɲɲɲɪ$ ³ в изъявительном наклонении в 3 лице ед. числа не имеют j , так как имеют сонорный $ɲɲɲɪ$, то есть, с одной стороны, уже есть согласный звук, закрывающий слово, с другой – полугласные j и $ɲɲɲɪ$ также не могут непосредственно следовать друг за другом, но то обстоятельство, что в прошедшем несовершенном перед сонорным $ɲɲɲɪ$, присутствует j , означает, что $ɲɲɲɪ$ и j являются чередующейся парой и могут замещать друг друга (ср.:

¹Абрамян А. А., Пособие по грабару (древнеармянскому языку), Ереван, 1976, с. 5 (на арм. яз.).

²Ср.: «... $ɲ$ и j являются субфонемами одной фонемы...» (Агаян Э. Б., там же, с. 92).

³Традиционно $ɲɲɲɪ$ произносится как простой гласный [u], но в древнеармянском он был дифтонгоидом и, следовательно, звучал как [ow].

կիզու [kizow] «сжигает» - կիզոյր [kizoyr] «сжигал», ջեռնու [je'now] «теплеет, нагревается» - ջեռնոյր [je'noyr] «теплел, нагревался»¹. Как во флективных языках в целом, так и в грабаре, чередование звуков было активным способом слово- и формообразования.

Мы склоняемся принять первую точку зрения, согласно которой *է* в грабаре был простым гласным.

В происхождении *է* характерно, что: 1) не во всех словах *է* восходит к дифтонгу; причём *է*, восходящее к простым гласным, в некоторых словах произошел от индоевропейского *e, как в слове *սղմէլի* (<սղմէլի<սղմէլի<и.-е. *alōrek'u) «лиса»², а в некоторых словах он выступает в заимствованиях из индоевропейских, напр., из иранских языков (ср.: *qṭu* [gēs] «длинные волосы» <пехл. *gēs, авеста gaēsa³, *վէգ* [vēg] «спор, драка, ссора» <пехл. *vēg, Авеста vaēya «удар»⁴, *ւէգ* [tēg] «наконечник копья» <пехл. *tēy, Авеста taēya «острый конец»⁵, и не индоевропейских, например, в заимствованиях из грузинского (*ծէլ* [cēs] «обряд, ритуал» <от груз. слова *ծէლი* [cēsi]⁶, *շէթ* [šēt'] «безумный» <от груз. слова *շէթი* [šēt'i]⁷ как эквивалент долгого *ē* (в иранских языках) и краткого *e* (в грузинском); 2) *է* дифтонгического происхождения, т.е. восходящее к *ei дописьменного периода армянского (до V века) уже видоизменился в простой гласный, и именно поэтому он в алфавите Маштоца был отображен отдельным знаком⁸. В основе этого подхода, как принято в арменистике, лежит письменная

---

¹ Этот факт свидетельствует одновременно о том, что *լի* в грабаре был дифтонгоидом, а не простым гласным или дифтонгом, так как, если бы он был гласным или дифтонгом, от него не отделился бы один из компонентов и не чередовался бы с составной частью другого дифтонгоида. По данному вопросу мы высказывались в статье «Дифтонгические и трифтонгические образования в грабаре» (Петросян В. З., Вопросы общего и армянского языкознания, Ереван, 2015, с. 211-231 (на арм. яз.)).

² См. Ачарян Р., Этимологический корневой словарь армянского языка (далее - ЭКСАЯ), Ереван, т. I, 1971, 134-135 (на арм. яз.), а также Гюбшман Г., Грамматика армянского языка: этимология, Ереван, 2003, с. 415 (на арм. яз.), Джаукян Г., Этимологический словарь армянского языка (далее - ЭСАЯ), Ереван, 2010, с. 39 (на арм. яз.).

³ Гюбшман Г., указ. соч., с. 127, Ачарян Р., ЭКСАЯ, т. I, с. 551, Джаукян Г. Б., История армянского языка: дописьменный период, Ереван, 1987, с. 520 (на арм. яз.).

⁴ Ачарян Р., ЭКСАЯ, т. IV, 334-335, Джаукян Г. Б., указ. соч., с. 526.

⁵ Гюбшман Г., указ. соч., с. 253, Ачарян Р., ЭКСАЯ, т. IV, 400, Джаукян Г. Б., указ. соч., с. 548. Примечательно, что вышеприведенные иранские заимствования Э. Агаян возводит к соответствующим формам авесты (Агаян Э. Б., указ. соч., с. 136), тогда как другие авторы на первое место ставят формы пехлевийского, что означает переход иран. *ē* > арм. *է*. Действительно, в армяно-иранских языковых связях большое количество занимают заимствования из пехлевийского и нового персидского, из чего следует, что армянский общался с ними теснее и подвергался влиянию этих языков больше, чем языку авесты.

А. Мейе для *ւէգ* [tēg] предложил возможно раннюю иранскую (т.е. не наследуемую) форму *taīya (отсюда же перс. формы *tēy/tīy*) (Meillet A., указ. соч., с. 44), чья праформа и.-е. * (s)teig- «пришпоривать» (Ачарян Р., ЭКСАЯ, 1979, т. IV, с. 400).

⁶ Ачарян Р., ЭКСАЯ, 1973, т. II, с. 454.

⁷ Ачарян Р., ЭКСАЯ, 1977, т. III, с. 512-513.

⁸ Точка зрения Э. Агаяна относительно времени трансформации *է* дифтонгического происхождения, т.е. *է*, в простой гласный («не раньше середины пятого века») имеет характер гипотезы.

трактовка, которая из предложенных трактовок, пожалуй, самая простая, но и с нашей точки зрения, более убедительная, чем дифтонгическая или дифтонгоидная трактовки. Если бы *č* в V веке имел звуковую значимость [*čj*], то Маштоцу ничего бы не мешало написать, например, *բերկ* [berɛj], а не *բերչ* [berɛ] «приносит», *սեյր* [sejɾ], а не *սեր* [sɛɾ] «любовь», *ջեյն* [ʃejn], а не *ջեն* [ʃɛn] «поселение» и др., как написал *անսայ* [ansaj] «слышит, слушает, подчиняется», *գնայ* [gnaj] «идёт, ходит», *ընթանայ* [ɛntʰanaj] «проходит» или *ողբայր* [oɟbaɾ] «плакал, скорбел» и др. Если, тем не менее, было написано *č*, то это имеет одно объяснение: **в период создания письменности (а возможно, и задолго до этого) в этих словах уже не было дифтонгического звучания.**

Как А. Мейе, так и Р. Ачарян, считали *č* гласным, имеющим «закрытую» артикуляцию по сравнению с *č̣*. Р. Ачарян попытался обосновать эту точку зрения, проведя параллели с артикуляционными и позиционными различиями двух *e* современного французского языка – открытого *è* (*très* [tre] «много», *après* [apɛ] «потом», *mère* [mɛ:r] «мать», *père* [pɛ:r] «отец») и закрытого *é* (*année* [a- ne] «год», *thé* [te] «чай», *été* [e- te] «лето», *passé* [pa- se] «прошлое»). Г. Гюбшман древнеармянское *č*, безотносительно его происхождения, всегда транскрибирует как *ē* и считает эквивалентным древнегреческому *η*¹, но, согласно Р. Ачаряну, «это не нужно воспринимать буквально, а лишь для транскрипционного различения, так как имеет скорее этимологическую значимость»², то есть только для различения (дифференциации) от *e*. Р. Ачарян не исключает, что «древнейший», то есть дописьменный армянский язык, мог иметь краткие и длинные гласные, «особенно *č̣* был кратким, так как соответствует индоевропейскому краткому *e*, а *č* был долгим, так как происходит от индоевропейских дифтонгов *ei*, *ou* (следовательно и *č̣<č+j*)», но, ссылаясь на слова Г. Гюбшмана, настаивает, что в V веке у этих звуков не было дифференциации по долготе³. Но, по нашему мнению, нельзя однозначно исключить более долгое *č* по сравнению с *č̣* даже в период создания письменности в V веке. Так полагать нам позволяет то обстоятельство, что как в лексике, так и в грамматических формах древнеармянского языка слова и словоформы с *č* дифтонгического происхождения преобладали по сравнению со словами с *č̣*, восходящим к простому гласному. По сути, такова картина и в других древних индоевропейских языках: индоевропейский дифтонг в языке-наследнике, если не сохранился в том же виде, то, как правило, перешел в другой дифтонг или долгий гласный (ср.: **daiuer* «деверь» - санскр. *dēvar-*, ст.слав. *дѣверь*, лат. *lēvir* (<*dēvir*), **uoida-* «знать» - греч. (Ϝ)οῖδα, санскр. *vēda* «знаю», ст.слав. *вѣмь* «знаю»). Редки случаи чередования кратких гласных (ср.: **ei-ti* «он идет» - греч. *εἶσι* «идет», лат. *it*, санскр. *ēti*, лат. *eit(i)* и др.). Что касается проблемы транслитераций из греческого в армянский, то это не являет-

---

тезы, и тезисы, направленные на доказательство дифтонгической природы *č*, никак не связаны с временным фактором (Агаян Э. Б., указ. соч., с. 134-140).

¹ Гюбшман Г., Арменоведческие исследования, с. 224-225.

² Ачарян Р., Армянские письмена, с. 575.

³ Ачарян Р., указ. соч., с. 574.

ся надежным способом решения количественной характеристики древнеармянского ζ . В этом отношении ситуация достаточно запутанная: имеются соответствия как греч. $\eta(\bar{e})$ > арм. ζ (ср.: $\dot{\upsilon}\lambda\eta$ =h η h η ζ [hiw $\bar{y}\bar{e}$] «*атом*», $\kappa\upsilon\rho\iota\alpha\kappa\acute{\eta}$ =h η h η h ζ [kiwtak $\bar{e}$] «*воскресенье*», $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\eta\nu$ =h η h η ζ u [hell $\bar{e}\eta$] «*эллин*»), так и греч. η > арм. ζ (ср.: $\acute{\epsilon}\kappa\kappa\lambda\eta\rho\iota\alpha$ =h η h η ζ g η [eke $\bar{y}\bar{e}\bar{s}$ 'i] «*церковь*», $\beta\eta\mu\alpha$ =p ζ u [bem] «*цена*»), а также другие соответствия (ср.: $\Delta\eta\mu\acute{\eta}\tau\epsilon\rho$ =h η h η ζ h η «*Деметра*», $\iota\pi\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha$ =h η h η ζ «*ипподром*», $\iota\delta\acute{\epsilon}\alpha$ =h η h η ζ h η «*идея, понятие*») и др.¹ То, что в грабаре не было других долгих гласных, еще недостаточное основание для исключения возможной долготы ζ , так как ни один из гласных древнеармянского (ш, п, h, t, p), в отличие от ζ , не имеет дифтонгического происхождения. По нашему мнению, **количественное преобладание ζ дифтонгического происхождения (ζ_2) предопределило звуковое значение фонемы, обозначенной буквой ζ , то есть сказалась своеобразная аналогия.**

Сколько бы мы ни обвиняли переводчиков и армянских толкователей грамматики Дионисия Фракийского в перекраивании грамматики древнеармянского (= грабара) по образцам древнегреческого (а это, в основном, обстоит так), тем не менее, древнеармянский был родным языком этих переводчиков, и они лучше могли чувствовать звуковую специфику этого языка, нежели мы, вооруженные современными лингвистическими знаниями. Правда, в вопросе дифференциации и характеристики фонем грабара не все их сведения достоверны, но, по нашему мнению, не доверять всем дошедшим до нас сведениям является крайностью, тем более, когда речь идет о звуковой значимости той или иной фонемы. Согласно «Грамматическому искусству» Дионисия Фракийского и «Толкованию грамматики» Давида Грамматика в древнеармянском ζ был долгим².

По нашему мнению, определенную схожесть с происхождением и фонацией древнеармянского ζ имеет старославянская фонема, обозначенная $\bar{B}$.

В старославянском $\bar{B}$ также имеет двоякое происхождение: гласное и дифтонгическое. Гласное происхождение – это последующее развитие индоевропейского долгого * $\bar{e}$, с переходным звеном в виде общеславянского * $\bar{e}$ (ср.: * $\bar{s}\bar{e}m\bar{e}n$ «семя» - ст. слав. с $\bar{e}$ ма, *dh $\bar{e}$ - «положить, поместить» - ст. слав. д $\bar{e}$ ти)³, а дифтонгическое сформировалось относительно позднее (но также в дописьменный период) – от индоевропейского *oi/*ei/*ai (ср.: * $\bar{d}ai\bar{u}er$ «деверь» - слав.

¹ Примеры греко-армянских транслитераций см.: Ачарян Р., указ. соч., с. 574-575, Ачарян Р., История армянского языка, Ереван, часть II, 1951, с. 13-17 (на арм. яз.).

² Адонц Н., Дионисий Фракийский и армянские толкователи // Адонц Н., Труды в пяти томах, т. 5, Ереван, 2008, с. 94 (на арм. яз.). Конечно, эти авторы в грабаре различают также долгий гласный, обозначаемый греческим ω , что уже является искусственным отнесением. Данные авторы к ряду гласных относят также ζ , который в армянском языкознании справедливо считается сонорным. Если бы ζ действительно был гласным, сочетания $ш\zeta$, $h\zeta$, $h\zeta$ были бы полноценными дифтонгами, но нет оснований считать ζ гласным. Что касается ζ , то, как было сказано, его долгота, в первую очередь, возможна благодаря его дифтонгическому происхождению.

³ Мейе А., Общеславянский язык, М., 1951, с. 39-40, Мейе А., Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.-Л., 1938, с. 127, Савченко А. Н., Сравнительная грамматика индоевропейских языков, М., 1974, с. 82, Семереньи О., Введение в сравнительное языкознание, М., 1980, с. 49, Широков О. С., Языковедение: введение в науку о языках, М., 2003, с. 222.

дѣверь, ***ǫeida**/***ǫoida** - «знать» - ст. слав. вѣдѣ «знаю»). Для их различия первое иногда обозначают **Ǫ**₁, а второе - **Ǫ**₂¹.

В славяноведении вопрос о звуковой природе **Ǫ** также трактовался неоднозначно. В этом отношении особенно примечательны комментарии известных русских языковедов Ф. Ф. Фортунатова и А. М. Селищева².

Согласно Ф.Фортунатову, сопоставление соответствующего материала славянских языков не только не дает возможности сказать, что **Ǫ** «количеством или качеством (например, если б одно из них было открытым, другое – закрытым) или тем и другим вместе» противопоставлялся *e*, но и в целом невозможно сказать, что он был вариантом *e* какого-то типа³. Ф. Фортунатов отрицает вероятность **Ǫ** как долгого гласного *ē*, пользуясь теми же доводами, что и Р. Ачарян в случае с *ĭ* в грабаре, а именно – в старославянском не было другого долгого гласного, следовательно, невероятно, что таким может быть **Ǫ**. По его мнению, если бы **Ǫ** в старославянском был бы долгим *ē*, то «надо было бы ждать случаев нередкого смешения одной буквы с другой», между тем как «в дошедших до нас памятниках *e* и **Ǫ** не смешиваются». Дополнительным доводом считается то, что «...старославянское **Ǫ** было получено не из общеславянского долгого *e* [т.е. и.-е. *ē –В.П.], но из общеславянского сочетания *iē*, на которое распалось *ē* еще в общеславянском языке»⁴. По сути, Ф. Фортунатов отрицает не только возможную артикуляцию [*e*] или [*ē*] старославянского **Ǫ**, но и вариант этой фонемы, произошедший от гласного.

Среди славянских языков и, в частности, в старославянском языке выделяются фонемно-фонетические наблюдения А. Селищева, с привлечением богатейшего языкового материала. Прежде чем рассматривать памятники старославянского языка, он рассматривает как языки предшествующего – праславянского (общеславянского) периода, так и существующие параллельно старославянскому языки западно-, восточно-, южнославянской групп. А. Селищев отмечает, что в *доисторический*⁵ период «все славянские языки имели долгие и краткие гласные»⁶, то есть они пока ещё сохранили индоевропейскую систему гласных. Следовательно, «*ě* был гласным долгим»⁷. У него было много преобразований, что было обусловлено звуковой средой. Перед согласным и в конце слова, «то есть в конце слога», «*ě* явился вследствие удлинения гласного *e*». Долгий *ē* мог произойти при смычке двух компонентов – в результате слияния кратких *ě*, как *ne-estъ*, *niže edīn*, которые дали *něstъ* «нет», *nižēdīn* (в составе последнего «долгий *e* после палатализованного согласного изменился на *a*) -

---

¹ Широков О. С., указ. соч., с. 222.

² Если Ф. Фортунатов (1848-1914) считается одним из выдающихся индоевропеистов и славяноведов своего времени, чьи идеи завоевали в Европе такое же уважение, как и идеи младограмматиков, то А. Селищев (1883-1942) преимущественно известен как один из самых авторитетных исследователей славянских языков.

³ Фортунатов Ф. Ф., Избранные труды, т. 2, М., 1957, с. 13.

⁴ Там же.

⁵ Под термином «доисторический» в славяноведении в основном подразумевают предшествующую старославянскому языковую ситуацию (до середины IX в.).

⁶ Селищев А. М., Старославянский язык, М., 1951, с. 112.

⁷ Там же, с. 125.

nižēdīn- →nižadъn. Таково происхождение старопольского nižaden, nižadna, -dne- «ни один, ни одна, ни одно»¹.

Долгий ē после согласных j, č, ž, š «в раннее доисторическое время у славян представлял открытое образование и передвинулся в задний ряд: ē→а. Ср. инфинитивы на ě-ti: viděti, zeleněti, tьrěti- с ě непалатального согласного и stojati, kričati, mylčati, slišati, dišati- с а после палатальных j, č, ž, š»². Для определения звуковой природы ě важно учитывать чередования ě//oi, ai: ě встречается согласный в предстоящей позиции, а дифтонги – гласный в предстоящей позиции (ср.: pě-//poj- rěti//rojъ, roješi,-cě-//kaj- cěna//kajati «отомстить»). А. Селищев эти явления толкует как монофтонгизацию дифтонга, иными словами, как упрощение (вокализацию)³ и приходит к выводу, что «славянское ě соответствует в одних случаях ē, в других - дифтонги ѓi, ѓj, ѓi, ѓj». Ряд перечисленных дифтонгов пополняет эj. В XII-XV вв. из восточнославянских языков в староукраинском и древнерусском происходит дифтонгизация первоначального ě(Ѣ) путем добавления оттеночного [i] в начале: ie или i'e (ср.: печь→пѣч→ ст. укр. пієч, др. рус. лѣс)⁴.

Из вышесказанного автор делает вывод, что «гласный ě в последний доисторический период представлял образование гласного ѓ в одних группах, образование гласного ê – в других»⁵. Оставляя открытым вопрос о том, «какое образование было в более раннее доисторическое время», А.Селищев пишет: «Мы склоняемся к такому представлению: в более давнее время гласный, который изменился в ě, был гласный широкий ē (типа ѓ). Такого образования был некогда гласный вместо еще более давнего ē и вместо oj»⁶.

Представления о славянском ě(Ѣ) в доисторический период в целом перемещаются в период старославянского, ср.: «Звуковое значение старославянского Ѣ-широкий гласный переднего ряда ѓ с мягкостью предшествующего согласного⁷. Согласно А. Селищеву, свидетельством этого является наличие в глаголице одного знака (Ѣ⁸) взамен двух знаков в кириллице: «Ѣ для замены ě и [ja]⁹ для замены ѓ и для ja (ja)». Это означает, что обе фонемы имели очень близкое звуковое значение и «составитель глаголицы ограничился одним знаком для передачи этих звуков»¹⁰.

---

¹ Там же, с. 126.

² Там же, с. 126-127.

³ Там же, с. 127.

⁴ Как отмечалось также издательством, «в передаче материала» А. Селищев проявил некоторую непоследовательность, представив то кириллицей, то звуковой транскрипцией, а то и «своеобразным» сочетанием и того и другого (Там же, с. 4), свидетельством чего и являются вышеприведенные примеры. Мы также, следуя примеру издательства, избегаем вмешательства в авторский текст.

⁵ Там же, с. 132.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 259.

⁸ Используем вместо глаголической буквы «Ѣ» ввиду отсутствия в нашей компьютерной раскладке соответствующего символа.

⁹ «А йотированная». Эта буква также отсутствует в наших компьютерных символах.

¹⁰ Селищев А. М., указ. соч., с. 260.

Как в случае с древнеармянским ζ , так и в старославянском, для уточнения звуковой значимости считается важным транслитерация звуковых эквивалентов из древнегреческого. Древнегреческий дифтонг $\alpha\iota$, который в этот период превратился в простой гласный, «переписчики», согласно правилу, в старославянском должны были транскрибировать как $\mathcal{B}$, но такая последовательность встречается не во всех случаях. Напр., в Мариинском и в Зографском кодексах $\alpha\iota$ транслитерируется и как $\mathcal{B}$, и как ϵ (ср.: Γαλιλαία-галилса и галил $\mathcal{B}$ ъ, πραιτωριου – преторъ и пр $\mathcal{B}$ торъ), в отличие от Ассеманиева и Остромирова кодексов и Саввиной книги, в которых сохранилось соответствие $\alpha\iota=\mathcal{B}$, А. Селищев «непоследовательность такой искусственной дифференциации» считает результатом «проникновения элементов живого произношения этих слов с ϵ »¹. По нашему мнению, это свидетельствует еще об одном важном явлении: *в период переводов греческих текстов, то есть в период существования старославянского языка, в разговорных вариантах живого языка произошла идентификация звуковых значимостей $\mathcal{B}$ и ϵ* . «Люди книги», как в славяноведении принято называть знатоков письменности в древности, следовали традиционным принципам правописания, но иногда (сознательно или незнательно) нарушали некоторые принципы, уже не действующие в живом языке, причиной чего могло быть также плохое знание переписчиком правописания старославянского языка².

В отличие от Ф. Фортунатова, который, как мы заметили, в старославянском признает существование $\mathcal{B}$ только дифтонгического происхождения, А. Селищев и другие признали также $\mathcal{B}$, произошедший от гласного. О происхождении $\mathcal{B}$ ($\mathcal{B}_1$) от гласного есть свидетельства как в сравнительных грамматиках индоевропейских языков³, в теории языкознания⁴, так и в самой литературе по славяноведению⁵.

О фонационной природе дифтонгического $\mathcal{B}$ ($\mathcal{B}_2$) старославянского языка в славяноведении взгляды расходятся: ему приписываются как дифтонгические (ср. [ie]⁶, [ea]⁷, [ea]⁸ и дифтонгоидные[e]⁹) (согласно А. Селищеву – «закрытый гласный») свойства, так и свойства простого гласного [ä], [e]¹⁰. Такое расхожде-

¹ Там же, с. 263.

² Труд А. М. Селищева «Старославянский язык», в частности, его I часть (введение, фонетика), замечателен богатством фактического материала. Это свидетельствует о том, что автор является большим знатоком материала, но, как заметил А. Горшков, не всегда после всестороннего анализа отдельных фактов А. Селищев приходит к нужным теоретическим выводам. Более того, «сравнительно-историческое исследование отдельных языковых явлений заслоняет старославянский язык как целостную языковую систему ...» (Горшков А. И., Старославянский язык, М., 1974, с. 81).

³ Мейе А., Введение..., с. 127, Савченко А. Н., указ. соч., с. 82, Семереньи О., указ. спч., с. 49, Красухин Г. К., Введение в индоевропейское языкознание, М., 2004, с. 64.

⁴ Широков О. С., указ. соч., с. 222.

⁵ Мейе А., Общеславянский ..., с. 39-40, Вайан А., Руководство по старославянскому языку, М., 1952.

⁶ Фортунатов Ф. Ф., указ. соч., с. 13.

⁷ Вайан А., указ. соч., с. 36.

⁸ Широков О. С., указ. соч., с. 221.

⁹ Селищев А. М., указ. соч., с. 265.

¹⁰ Там же, с. 259-268.

ние в понимании, по нашему мнению, преимущественно обусловлено данными, предоставленными языком или языковой группой, взятой в качестве основы: базирующиеся на данные южнославянских языков, в частности, на древнеболгарские¹, более склонны приписывать Ъ звуковое значение [ǎ] или близкое к нему, а базирующиеся на данные восточнославянских языков склоняются к принятию звукового значения типа [ie] или [e¹]. Славяноведы в общем согласны в вопросе дифтонгической природы Ъ(Ъ₂) (если, конечно, принимают его дифтонгическую природу). По определению О. Широкова, он считается «расширяющимся» дифтонгом с восходящим напряжением².

С точки зрения типологии не менее важен вопрос дистрибуции этих фонем.

Ъ в старославянском имел строгое ограничение в позиции начала слова. Наличие Ъ в этой позиции считается следствием путаницы, обусловленным влиянием глаголицы, поскольку ѡ глаголицы заменил в кириллице две графемы – Ъ и [ja], второй со значениями [a] и [ja]. Из них Ъ встречается «внутри слога», а [ja] – «в начале слога»³. Например, в листках Ундольского вместо [ja] всегда употреблялся Ъ⁴.

В древнеармянском также ограничено употребление Է в начальной позиции слова, по сравнению со словами, которые начинаются с других букв. По нашим подсчетам, «Новый словарь древнеармянского языка» содержит 33 слова на Է, а общее количество слов на Է вместе с дериватами не превышает 55⁵. В «Словаре грабара» Р. Казаряна число слов на Է – 28, а с дериватами – 37⁶.

Как древнеармянский Է, так и старославянский Ъ имеют также морфемную значимость, осуществляют грамматическую функцию, фигурируя как показатель падежа. Так, -ѣ – окончание единственного числа аблатива (отложительного падежа) (ср.: ҃ qѣ҃ѣѣ [i geʋjē] «из деревни», ҃ ѣ҃҃҃҃҃ [i p'ok'wē] «с младенчества», ҃ ҃҃҃҃҃҃ [yasteyē] «от звезды», ҃҃҃҃҃҃ [yiwtmē] «от него/от нее»), за исключением слов, принадлежащих к внешней флексии на л (о) и ш (а). Ъ – предстает как показатель локатива (местного падежа) единственного числа существительных мужского рода, оканчивающихся на -ъ и среднего рода, оканчивающихся на -о (ср.: градъ – градЪ «в городе», село – селЪ «в селе», другъ - друѣЪ «в друге»), а также существительных женского рода, оканчивающихся на -а (ср.: жена - жєнЪ «в жєне»). У существительных женского и

---

¹ Согласно распространенному в славяноведении мнению, основой старославянского языка были македонские говоры болгарского языка IX в., которые относились к южнославянской группе (Горшков А. И., указ. соч., с. 34-35, Вайан А., указ. соч., с. 15). Н. Толстой ограничивает этот период, считая основой старославянского южнославянский солунский диалект (Толстой Н. И., Старославянский язык // Лингвистический энциклопедический словарь (далее – ЛЭС), М., 1990, с. 491-492).

² Ср.: «Гласный Ъ также имел дифтонгический, но не сужающийся, а расширяющийся характер (отход от сильной палатализации к менее напряжённой, увеличение раствора или уменьшение подъёма: дЪло произносилось как [д^{мб}ло])» (Широков О. С., указ. соч., с. 218).

³ Вайан А., указ. соч., с. 35, Горшков А. И., указ. соч., с. 90.

⁴ Селищев А. М., указ. соч., с. 260.

⁵ «Новый словарь древнеармянского языка», ч. I, Ереван, 1979, с. 758-760 (на арм. яз.). «Новый словарь древнеармянского языка» впервые был издан в 1836-1837 гг.

⁶ Казарян Р. С., Словарь древнеармянского языка, т. А., Ереван, 2000, с. 455-456 (на арм. яз.).

среднего рода с указанными основами показатель -*Ѣ* есть в двойственном числе номинатива и аккузатива (ср.: селѢ «два села», женѢ «две жены»)¹.

Вышеупомянутые характеристики древнеармянского *է* и старославянского *Ѣ* позволяют с помощью типологических обобщений ответить на связанные с этими двумя фонемами вопросы или хотя бы предложить достоверные гипотезы. Соответственно:

1) Если в древнеармянском вышеупомянутые процессы завершились до V века, то в старославянском они, судя по всему, растянулись на протяжении всего существования языка (IX-XII вв.) и в том или ином виде (звукоизмененном или нет) перешли в другие славянские языки. С точки зрения типологии неважно, в каком языке и когда произошли данные процессы, важно, что они в целом имели общие тенденции развития. Соответственно, как в древнеармянском есть и дифтонгический, и восходящий к простому гласному *է*, так и в старославянском есть и дифтонгический, и восходящий к простому гласному *Ѣ*. В обоих языках значительно преобладают *է/Ѣ* дифтонгического происхождения, то есть *է₂/Ѣ₂*. Но, что более важно, как для *է₂* дифтонгического происхождения, так и для *Ѣ₂* реконструируются те же индоевропейские праформы **oi(*ai)* и **ei*. Восходящие к гласным *է(է₁)/Ѣ(Ѣ₁)* по сравнению с дифтонгическими появились раньше. Если разногласия по поводу звуковой сущности древнеармянского *է* (дифтонг или простой гласный) относятся к периоду до середины V века (а по нашему убеждению, к дописьменному периоду армянского – до 405 г., в течение которого, надо думать, *է* превратился в простой гласный, артикуляционно противопоставившись *է* (е), как долгий гласный – краткому), то в случае со старославянским этот период длится, по меньшей мере, до середины IX века (855/863 гг.), до создания глаголицы и кириллицы². И раньше этого говорить о звуковой сущности *Ѣ*, естественно, затруднительно, и мнения могут иметь только характер гипотезы. Пожалуй, именно это является причиной того, что в славяноведении данный вопрос, в основном, остается открытым. В период старославянского языка приписыванию *Ѣ* происхождение от простого гласного препятствует то, что некоторые фонемы, обозначенные письменными знаками ю, ѣ, а [ja], ю, ѣ, считаются дифтонгами³. Но, по нашему мнению, более достоверна точка зрения, согласно которой в результате закона *открытого слога* в старославянском прежние дифтонги подверглись монофтонгизации, то есть превратились в простые гласные. В частности, «дифтонги ai, āi перешли в долгое e, которое потом изменилось так же, как и исконное ē, т. е. дало Ѣ: **вѣдѣ** «знаю» – из **voidai...*, **снѣгъ** из **snoigʰos* → из **snaigas...*, **цѣна** из **kʰoina* → из **kaina...*»⁴. Следовательно, можно сказать, что вышеупомянутое ограничение скорее кажущееся, чем реально существующее. Если не в старославянский период, то

---

¹ Вайан А., указ. соч., с. 106-120, Горшков А. И., указ. соч., с. 125-130.

² Князевская О. А., Кириллица // ЛЭС, с. 222.

³ Вайан А., указ. соч., с. 40.

⁴ Савченко А. Н., указ. соч., с. 124-125.

встарорусский период- XV-XVIII вв.¹ – Ъ(Ъ₂) дифтонгического происхождения несомненно трансформировался в простой гласный. Доказательством можно считать случаи путаницы Ъ с є[e] и и[i], содержащиеся в древнерусских рукописях начиная с XIVв. С точки зрения типологии, что достаточно для прояснения нашей задачи: старославянский Ъ₂ в письменный период или через некоторое время трансформировался в простой гласный.

2) В связи с фонетическим описанием грабаровского ħ, Р. Ачарян, ссылаясь на переход древнегреческого долгого η и староанглийского двойного ee в [i], высказал мнение, что, будучи, по сравнению с ħ, более закрытым гласным, в V в. он произносился как ħ [i] или имел очень близкую ему артикуляцию². Конечно, ħ мог иметь и такое развитие, если учитывать как типологические параллели, на которые указал Ачарян, так и то обстоятельство, что в генеологии звукового качества ħ, по сути, был также i (ср.: *oi, *ai, *ei), но, по нашему мнению, помехой для принятия данной точки зрения являются следующие положения:

А) Почему в этом случае древнеармянский ħ в дальнейшем – в ашхарабаре (новоармянском) уподобился ħ [e], а не ħ [i] (ср.: գղր [gēr] – գղր [ger] «толстый», ծՀւ [cēs] – ծՀւ [ces] «обряд», շՀւ [šēn] – շՀւ [šēn] «поселение», հւնդՀւ [handēs] – հւնդՀւ [handes] «торжество», մարգարՀւ [margarē]- մարգարՀւ [margare] «пророк» и др.), в том случае, когда при словообразовании древний ħ трансформируется в ħ, то есть ему было свойственно превращаться в ħ [i] (ср.: գղր (գղր) – գրհւնալ [giranal] «растолстеть, ожиреть», ծՀւ (ծՀւ) – ծհւալահւն [cisakan] «обрядовый», շՀւ (շՀւ) – շհւալահւն [šinakan] «крестьянин», հւնդՀւ - (հւնդՀւ) – հւնդհւալոր [handisawor] «торжественный» и др.). А в позиции на конце слова -Հ никогда не переходит в -հ (ср.: բազՀ [bazē] «сокол» –բազՀալիր [bazeakir] «сокольник», րոպՀ [ropē] «минута» – րոպՀալահւն [ropeakan] «минутный», մարգարՀ «пророк» – մարգարՀալահւն [margareakan] «пророческий»). Более того, древнеармянские глаголы со спряжением на ħ в ашхарабаре (новоармянском) переходят в спряжение на ħ (ср.: բազմիմ [bazmim] «усаживаюсь» – բազմիմ [bazmim] «усаживаться», ծաճահիմ [cacanim] «развеваю» – ծաճահիմ [cacanel] «развевать», նստիմ [nstim] «сажусь» – նստիմ [nstel] «сесть», երկնչիմ [erknč'im] «боюсь» – երկնչիմ [erknč'el] «бояться», մարտնչիմ [martnč'im] «сражаюсь» – մարտնչիմ [martnč'el] «сражаться», սստիմ [usanim] «учусь» – սստիմ [usanel] «учиться» и др.)³. По сути, с точки зрения фонемного

¹ О периодизации истории русского языка см.: Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка, М., 1965, с. 33, Иванов В. В., Древнерусский язык // ЛЭС, с. 143.

² Ачарян Р., Армянские письмена, с. 574-575.

³ Конечно, мы подразумеваем закономерности двух литературных языков: древнего литературного армянского – грабара и восточноармянского, имея в виду, что оба языка в основном сформировались на базе разговорного армянского Араратской области (читай – Араратского диалекта), а фонемная система литературного восточноармянского, по сравнению как с среднеармянским, западноармянским, так и с западноармянскими и восточноармянскими диалектами, самая близкая фонемной системе грабара (Джаукян Г. Б., Среднеармянский как языковое качество // «Вестник

перехода, насколько армянскому присущ переход $t(\acute{t}) > h$ в образовании имен (словообразовательный механизм), настолько же ему присущ переход $h > \acute{t}$ в образовании глаголов.

Б) Никто не сомневается, что в V в. $\acute{t}$ и h были самостоятельными фонемами, следовательно, они различались некими фонологическими качествами. Если эти фонемы имели очень близкую фонацию, то какого же то фонологического качества, которым они, тем не менее, отличались друг от друга. Противопоставление $\acute{t} \sim \acute{t}$ может быть обусловлено закрытой или открытой артикуляцией, как предполагал Р. Ачарян, примеры чего мы наблюдаем в современном французском (ср.: *fée* [fe] «фея» – *fait* [fɛ] «факт», *pré* [pre] «луг» – *prêt* [pre] «готовый»), но едва ли можно утверждать, что $\acute{t}$ и h противопоставлялись по свойству открытости/закрытости или что это свойство было для них различием фонологическим. Нам более убедительным кажется предположение, что в V в. противопоставление $\acute{t} \sim \acute{t}$ носило количественный характер, то есть противопоставление $\acute{t}$ и $\acute{t}$ было противопоставлением долгого и краткого вариантов одной гласной [ɛ], а не противопоставлением [ɛ] и [ɪ]. Соответственно, $\acute{t}$ был долгим, а $\acute{t}$ кратким. Это противопоставление, судя по всему, длилось несколько сотен лет (это время может приблизительно совпасть с упрощением (монофтонгизацией) индоевропейских дифтонгов в латинском, а латынь, согласно одной из точек зрения, «пришла к этому к сер. 2-го века до н.э.»¹). В период грабара артикуляционное различие между ними сохранялось недолго. Причиной исчезновения отмеченного противопоставления стало, возможно, то обстоятельство, что $\acute{t}$ был единственным долгим гласным древнеармянского языка, то есть, не образовывал систему, и, следовательно, не оставил глубокого следа в развитии армянских фонем. В пользу нашей гипотезы свидетельствует также то обстоятельство, что, как уже отмечалось, в рукописях нередко путались $\acute{t}$ и $\acute{t}$.

Считаем, что в основном подобный путь развития прошел и старославянский $\mathcal{B}$ еще в праславянский период, возможно и накануне формирования старославянского языка как письменного (VIII-IX вв.), судя по всему, $\mathcal{B}$ и ϵ противопоставлялись как дифтонг/дифтонгоид и краткий гласный, а затем это противопоставление в результате упрощения дифтонгического $\mathcal{B}(\mathcal{B}_2)$ превратилось в количественное противопоставление долгого и краткого гласного. После этого между ними исчезло количественное различие, и произошло фонемно-фонетическое уподобление, сохранив отличие только на письме, как в случае с $\acute{t}$ и $\acute{t}$ в традиционном правописании армянского языка.

Ереванского университета», 1993, № 1, с. 14-21 (на арм. яз.). Другими словами, в диалектах встречаются как звуковые переходы $\acute{t} \sim (t \sim) h$ (ср.: Шапин-Караисар, Зейтун, Мараш, Бейлан, Тбилиси и др.), так и переход в обратном направлении $h \sim \acute{t}$ (ср.: Зейтун, Мараш, Кесаб, Мегри, Карчеван, Агулис и др.) (Джаукян Г. Б., Введение в армянскую диалектологию, Ереван, 1972, с. 63-81 (на арм. яз.).

¹ Семереньи О., указ. соч., с. 52.

Վարդան Պետրոսյան – Հին հայերենի է և հին սլավոներենի ֆ հնչյունների տարածամանակյա տիպաբանությունը

Հին հայերենի է և հին սլավոներենի ֆ տառերով նշանակված հնչյունների հնչյունական արժեքների և դրանց կրած փոփոխությունների միջև կան տիպաբանական որոշակի ընդհանրություններ: Այն է. 1) երկու լեզուներում էլ այդ հնչյուններն ունեցել են երկբնույթ ծագում՝ պարզ ձայնավորական և երկբարբառային: Ձայնավորական ծագման է₁/ֆ₁-ը սերում են հ.-ե. երկար *ē-ից, իսկ երկբարբառային ծագման է₂/ֆ₂-ը՝ հ.-ե. *oi, *ai, *ei երկբարբառներից. 2) երկու լեզուներում էլ գործածության բարձր հաճախականություն ունեն է₂/ֆ₂-ը. 3) երկու լեզուներում էլ է/ֆ-ն համեմատաբար քիչ է հանդիպում բառասկզբի դիրքում և, ընդհակառակը, հաճախակի է հանդիպում բառամիջում և բառավերջում: Բառասկզբի դիրքում («վանկասկզբում») խիստ սահմանափակ է հատկապես ֆ-ի կիրառությունը. 4) ն՝ հայագիտության, և՛ սլավոնագիտության մեջ այդ հնչյունների հնչյունական բնույթի հարցը ստացել է տարբեր մեկնաբանություններ՝ պարզ ձայնավոր, երկբարբառ, երկբարբառակերպ. մեր կարծիքով, նախքան այդ լեզուների գրի առնվելը նշված հնչյուններն առավելապես ունեցել են երկբարբառային բնույթ, սակայն գրի առնվելու նախօրյակին նրանք արդեն վերածվել էին երկար ձայնավորների, որոնք էլ ավելի ուշ վերածվել են համապատասխան կարճերի. զարգացումների այդպիսի ընթացքի մասին են վկայում ինչպես հերթագայական դրսևորումները համապատասխան լեզուներում, այնպես էլ տիպաբանական զուգահեռները ցեղակից այլ լեզուների հետ. 5) հին հայերենում՝ V դարի սկզբներին, է-ի հնչյունական արժեքն էր [ē]. հին սլավոներենի ֆ-ն սլավոնական տարբեր լեզվախմբերում՝ հարավային, հյուսիսային և արևմտյան, ունեցել է հնչյունական տարբեր զարգացումներ. մասնավորապես՝ արևելասլավոնական լեզուներից ռուսերենի որոշ բարբառներում այն վերածվել է [ē]-ի:

Vardan Petrosyan – *The Diachronic Typology of the Old Armenian է and the Old Church Slavonic ֆ Phonemes*

The present work analyzes the Old Armenian and Old Church Slavonic phonemes that are introduced by է and ֆ graphemes, respectively. There appear to be common typological features between the phonetic values of these phonemes and the changes they have undergone. The above mentioned common features are as follows:

1. In both languages, the relevant phonemes had twofold origin – simple vocalic/monophthongal and diphthongal. The է₁/ֆ₁ sounds of simple vocalic nature originate from Indo-European long /e/ → *ē, and է₂/ֆ₂ originate from Indo-European diphthongs *oi, *ai and *ei.
2. Both in Old Armenian and in Old Church Slavonic է₂ and ֆ₂ are the more frequently used phonemes (as compared with է₁ and ֆ₁).
3. While in word-initial position է/ֆ have a relatively lower probability of occurrence, in word-medial and word-final positions the frequency of their occurrence is considerably high. In the word-initial (syllable-initial) position the use of ֆ is particularly restricted.
4. Both in Armenological and in Slavonic Studies the phonetic nature of these phonemes is interpreted in several ways – they are considered simple vowels (monophthongs), diphthongs or diphthongoids. The present study assumes that during the pre-written language establishment period է and ֆ phonemes were primarily of diphthongal nature; however, before they

became written symbols they had already evolved into long vowels, which in turn, had later been altered by their short counterparts. This hypothesis is based on the analysis of vowel shift in the languages discussed, as well as on the results of parallel typological studies of other genetically related languages.

5. In Old Armenian, at the beginning of the 5th century, the phonetic value of է was [ē]. The Old Church Slavonic ѣ had different phonetic developments in different (South, North, East and West) Slavic language groups. In particular, in some Russian dialects belonging to East Slavic languages, ѣ has changed into [ē].